

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

РОССИЯ
ПУТЬ ИСТИНЫ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 82-94
ББК 85
Г58

Гоголь, Н. В.

Г58 Россия. Путь истины / Н. В. Гоголь. — М. : РИПОЛ классик.
— 672 с. — (Русские мыслители).

ISBN 978-5-519-63797-8

Многие знают Николая Васильевича Гоголя как великого русского писателя. Но не многим известна его философская и публицистическая проза, где он рассуждает о пути России, об ее истории, культуре, народе, вере. Некоторые произведения из этой книги вызвали жаркую полемику еще при жизни автора, и, хоть прошло немало лет, они по-прежнему дают пищу для ума. Нечасто публикуемые философские и публицистические произведения не только покажут с новой стороны Гоголя-писателя, но и откроют Гоголя-философа. Сборник дополнен перепиской писателя с современниками и частью произведения Д. С. Мерзжковского «Гоголь. Творчество, жизнь и религия».

**УДК 82-94
ББК 85**

ISBN 978-5-519-63797-8

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ ИЗ «АРАБЕСОК»	5
Предисловие к «Арабескам»	5
Скульптура, живопись и музыка	6
О Средних веках	11
Глава из исторического романа	24
Взгляд на составление Малороссии	36
Несколько слов о Пушкине	47
Ал-Мамун (Историческая характеристика)	53
Жизнь	60
Шлецер, Миллер и Гердер	63
Невский проспект	69
О малороссийских песнях	110
Мысли о географии (Для детского возраста)	117
Записки сумасшедшего	126
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	152
Выбранные места из переписки с друзьями.	152
Размышления о божественной литургии	391
ПЕРЕПИСКА	450
Переписка с Н. Я. Прокоповичем	450
В. Г. Белинский. Письмо Н. В. Гоголю	497

А. А. Григорьев. Гоголь и его последняя книга	505
В. А. Жуковский. Письма к Н. В. Гоголю	529
ПРИЛОЖЕНИЕ	539
Д. С. Мережковский	
«Гоголь. Творчество, жизнь и религия»	539

СТАТЬИ ИЗ «АРАБЕСОК»

ПРЕДИСЛОВИЕ К «АРАБЕСКАМ»

Обращение это составляют пьесы, писанные мною в разные времена, в разные эпохи моей жизни. Я не писал их по заказу. Они высказывались от души, и предметом избирал я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, без сомнения, найдут много молодого. Признаюсь, некоторых пьес я бы, может быть, не допустил вовсе в это собрание, если бы издавал его годом прежде, когда я был более строг к своим старым трудам. Но вместо того, чтобы строго судить своё прошлое, гораздо лучше быть неумолимым к своим занятиям настоящим. Истреблять прежде написанное нами, кажется, так же несправедливо, как забывать минувшие дни своей юности. Притом если сочинение заключает в себе две-три ещё не сказанные истины, то уже автор не вправе скрывать его от читателя, и за две-три верные мысли можно простить несовершенство целого.

Я должен сказать о самом издании: когда я прочитал отпечатанные листы, меня самого испугали во многих местах неисправности в слогe, излишности и пропуски, происшедшие от моей неосмотрительности. Но недосуг и обстоятельства, иногда

не очень приятные, не позволяли мне пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смею надеяться, что читатели великодушно извинят меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Благодарность Зиждителю мириад за благость и сострадание к людям! Три чудные сестры посланы Им украсить и усладить мир: без них он бы был пустыня и без пения катился бы по своему пути. Дружнее, союзнее сдвинем наши желания и — первый кубок за здоровье скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посетила землю. Она — мгновенное явление. Она — оставшийся след того народа, который весь заключился в ней, со всем своим духом и жизнью. Она — ясный призрак того светлого греческого мира, который ушёл от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта. Мир, увитый виноградными гроздиями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони. Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии — серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной кра-

соте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто, кроме её, не могло так живо выразить его светлое существование. Белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой, негой и сладострастием, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человека. В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольно остановит атлетическим, свободным своим положением. Всё в ней слилось в красоту и чувственность: с её страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием, — так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа! Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала только быстрые движения: свирепый гнев, мгновенный вопль страдания, ужас, испуг при внезапности, слезы, гордость и презрение и, наконец, красоту, погружённую саму в себя. Она обращает все чувства зрителя в одно наслаждение, в наслаждение спокойное, ведущее за собою негу и самодовольство языческого мира. В ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания. В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни. Она прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся, видя свое изображение, и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей. Она очаровательна, как жизнь, как мир, как чувственная красота, которой она служит алтарём. Она родилась вместе с языческим, ясно образовавшимся миром, выразила его — и умерла вместе с ним. Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства: она так же отделялась от него, как самая языческая вера. Никогда возвышенные, стремительные мысли не могли улечься на её мраморной сладострастной наружности. Они поглощались в ней чувственностью.

Не таковы две сестры её, живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское. Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира. Мне жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... светлее сияй, бокал мой, в моей смиренной келье, и да здравствует живопись! Возвышенная, прекрасная, как осень, в богатом своем убранстве мелькающая сквозь переплёт окна, увитого виноградом, смиренная и обширная, как вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смела выразить твоих небесных откровений. Никогда не были разлиты по ней те тонкие, те таинственно-земные черты, вглядываясь в которые слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вот мелькают, как в облачном тумане, длинные галереи, где из старинных позолоченных рам выказываешь ты себя живую и тёмную от неумолимого времени, и перед тобою стоит, сложивши накрест руки, безмолвный зритель; и уже нет в его лице наслаждения, — взор его дышит наслаждением нездешним. Ты не была выражением жизни какой-нибудь нации, — нет, ты была выше: ты была выражением всего того, что имеет таинственно-высокий мир христианский. Взгляните на неё, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: как вдохновенен и долог ясный взор её! Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого, безграничного мира, для названия которых нет слов. Всё неопределённое, что не в силах выразить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною её кистью. Она также выражает страсти, понятные всякому, но чувственность уже не так властвует в них: духовное невольно проникает всё. Страдание выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требует сочувствия, а не наслаждения. Она

берёт уже не одного человека, её границы шире: она заключает в себе весь мир; все прекрасные явления, окружающие человека, в её власти; вся тайная гармония и связь человека с природою — в ней одной. Она соединяет чувственное с духовным.

Но сильнее шипи, третий бокал мой! Ярче сверкай и брызгай по золотым краям его, звонкая пена, — ты сверкаешь в честь музыки. Она восторженнее, она стремительнее обеих сестёр своих. Она вся — порыв; она вдруг, за одним разом, отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет. Он уже не наслаждается, он не сострадает, — он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живёт, живёт своею жизнью, живёт порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, тёмными сводами катедрала, где тысячи поверженных на колени мольщики стремят она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несётся с ними горе, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

Как сравнить вас между собою, три прекрасные царицы мира? Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихий восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души. Рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела. Она — наша! она — принадлежность нового мира! Она

осталась нам, когда оставили нас и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утончённых изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей и — бросились в музыку. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, сияющий овладеть нашим миром! Пусть при могущественном ударе смычка твоего смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчёты, бесстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта. О, не оставляй нас, божество наше! Великий Зиждитель мира поверг нас в немеющее безмолвие Своею глубокою мудростью: дикому, ещё не развернувшемуся человеку Он уже вдвинул мысль о зодчестве. Простыми, без помощи механизма, силами Он ворочает гранитную гору, высоким обрывом громоздит её к небу и повергается ниц перед безобразным её величием. Древнему, ясному, чувственному миру послал Он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древний мир обратился в фимиам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений. Векам беспокойным и тёмным, где часто сила и неправда торжествовали, где демон суеверия и нетерпимости изгонял всё радужное в жизни, дал Он вдохновенную живопись, показавшую миру неземные явления, небесные наслаждения угодников. Но в наш юный и дрях-